

Alexey Zherebin

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Summary

This paper is based on a study of Russian translations of Goethe, Nietzsche, and Freud, and expands on the idea that the act of translation serves as a fundamental driver underlying the development of meanings and the creation of culture. Reflection and translation exist in a conceptual dyad: in many ways reflection works as translation and translation becomes the practice of embodying a hermeneutic act of reflection. Hermeneutic reflection does not erase the boundaries between two autonomous texts (the text created by another and one's own text) but, rather, creates a boundary area of convergence where new meaning is produced through the 'fusion of horizons' (Gadamer): the range of vision embedded in the original text and that of the translator interpreting the text.

На наших глазах складывается новая область гуманитарных исследований – TranslationStudies, которая осмысляет себя как результат парадигматического сдвига в дискурсе наук о человеке («translationalturn») и концептуализирует перевод как средство реализации intersубъективных, интердискурсивных, интермедиальных отношений в культуре (Bachmann-Medick, 201 :238-283).

Взаимодействие национальных литератур предстает тем самым как частный случай языковой и культурной практики перевода, регулирующей все системы социальной коммуникации, а компаративистика испытывает искушение перевоплотиться во всеобъемлющую транслатологию и подарить ей свое имя².

Проект преобразования компаративистики в Translation Studies не лишен привлекательности, но нуждается в теоретической легитимации. Эта роль принадлежит, на наш взгляд, герменевтике, представляющей собой теорию понимания и искусство интерпретации текстов культуры. По мысли Поля Рикера, «понимать – значит переводить» (Ricoeur, 2004:50-51), т.е. присваивать чужое, преодолевая его чуждость в процессе диалога, а базовым механизмом культурного диалога является не что иное, как перевод (Автономова, с. 635). В имплицитной форме эта мысль присутствует и в древнегреческом слове *hermeneia* (одновременно «способ выражения мысли», «толкование» и «перевод») (Grondin, 2009: 13), и в русском слове «толмач», имеющем сложную международную этимологию (Бибихин, 2010: 170).

Не раз уже писали о том, что жить значит переводить – с языка одной национальной культуры на язык другой, с языка одной исторической эпохи на язык другой, с языка одной социальной группы на язык другой, с языка мужчин на язык женщин, с языка науки на язык политики, с языка эмоций на язык разума, с языка одной индивидуальной психики на язык другой. Всех видов перевода – из культуры в культуру, из эпохи в эпоху, из дискурса в дискурс, из души в душу не перечислить. Мы все, независимо от рода наших занятий,

¹ Literary Translation as a Hermeneutic Problem

²Apter E.The Translation Zone. A New Comparative Literature.Princeton / Oxford:Princeton University Press, 2006. Ср. Шайтанов И.О. Компаративистикаи/ илипоэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010. С. 221-222.

переводчики и все – люди переведенные. Конфликты на всех уровнях от политического до личного можно рассматривать как результат неудачного перевода. Едва ли не любая неудача может быть охарактеризована словами: я плохо перевел, или меня плохо перевели.

В узком, традиционном смысле слова перевод – это лингвистическая процедура, передача текста, написанного на одном языке, средствами другого. Но таков лишь частный случай более широкого процесса – герменевтического акта, от которого зависят политика и экономика, литература и искусство, национальная и персональная идентичность, вся реальность переживаемой обществом истории.

В России широкий взгляд на перевод как фундаментальную культурологическую проблему подготовлен хорошо развитой традицией сравнительно-исторического изучения национальных литератур и культур, но еще не вполне осознается как особое научное направление со своей спецификой. Однако процесс освоения иностранного опыта уже идет, и как это всегда бывает в истории культуры, ведущую роль в его трансплантации играют переводы и переводчики. Так, за последние годы появилось одновременно несколько русских переводов статьи Вальтера Беньямина «Задача переводчика», в которой немецкий философ анализирует свой опыт работы над переводами Бодлера³.

Статья была написана Беньямином в 1923 году, но ее отзвуки слышны в философии перевода на протяжении всего XX века, у Жака Деррида, Поля Рикера, Поля де Мана⁴. Сам же Беньямин ссылается на традицию немецкой герменевтики, в частности, на высказывания Гете в его «Западно-восточном диване» (Беньямин, с. 44), где искусство перевода рассматривается как движение по герменевтическому кругу, «в коем движутся, сближаясь между собою, чужое и родное, знакомое и незнакомое» (Гете, 1988:329).

По мысли Гете, «высший тип перевода» диалектически снимает противоречие между подстрочником и вольным переложением оригинала (Гете, 1988:329). Среди русских переводов из произведений самого Гете пример этого типа дает, на мой взгляд, перевод «Фауста», созданный в 1918 году Константином Ивановым (Гете, 2005). В ценности этого перевода мне пришлось убедиться, когда я переводил автобиографию Фрейда⁵.

Рассказывая о своем решении пойти на медицинский факультет, Фрейд цитирует из Гете – то место, где Мефистофель, нарядившись в плащ Фауста, морочит голову наивному ученику, который пришел к Фаусту, чтобы стать ученым человеком; он исполнен энтузиазма, готов платить, но не знает, чем именно хотел бы заниматься. Мефистофель над ним издевается, издевательски перечисляет мнимые достоинства и преимущества одного

³Беньямин В. Задача переводчика / Перевод Н. М. Берновской // Беньямин В. Озарения / Перевод Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. С. 46-57; Беньямин В. Задача переводчика / перевод И. Алексеевой // Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Сост., пред., прим. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004. С. 27-46; Беньямин В. Задача переводчика / Перевод с нем. Е. Павловой // Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 254-270. Ср. Текст оригинала: Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers [1923]. In: Gesammelte Schriften. Bd. 4/1. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1972. S. 9-21.

⁴Hirsch A. (Hg.). Übersetzung und Dekonstruktion. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997. S. 119-165, 182-228. Ср. ДеМанП. Вместо заключения: о «Задаче переводчика» Вальтера Беньямина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2000, № 5. С. 158-185. Среди русских откликов на статью Беньямина см. Шайтанов И.О. Указ.соч. С. 219-237; Фокин С.Л. Перевод как незадача русской философии // Логос. Философско-литературный журнал: Перевод философии. Философия перевода. № 5-6 (84), 2011. С. 212-236; Чубаров И. Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык // Там же. С. 237-252.

⁵Фрейд З. Автопортрет. Перевод с нем. А. Жеребина и С. Панкова // Фрейд З. Собрание сочинений: В 26 т. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2006. Т. 2.

факультета за другим, одной науки за другой, а когда переходит к медицине, вдруг прерывает себя и замечает, что, по существу, рассуждать не о чем, потому что каждый из нас все равно может научиться лишь тому, что потенциально уже заложено в его душе, к чему он изначально предрасположен; следовательно – больше всего преуспевает тот, кто умеет ловко применить то небольшое, что он знает, что дано ему знать. В оригинале этот пассаж из «Фауста» звучит так:

Vergebens, dass Ihr ringsum wissenschaftlich schweift,
Ein jeder lernt nur, was er lernen kann;
Doch der den Augenblick ergreift,
Das ist der rechte Mann ⁶.

Фрейд это место цитирует, вспоминая о своей молодости, о том, как он выбирал профессию (Freud, 1999: 35).

Все наши попытки отыскать соответствие в многочисленных русских переводах трагедии Гете закончились неудачей. «Фауста» переводили лучшие русские поэты, в том числе Тютчев и Фет, Брюсов и Бальмонт, но наибольшую известность получили два перевода. Один принадлежит ученому-биологу и литератору Н.А.Холодковскому (1878), второй – Пастернаку, который сочинял своего «Фауста» в конце сороковых – начале пятидесятых годов.

Их сравнение может служить иллюстрацией к той переводческой антиномии, которую сформулировал в начале XIX века Фридрих Шлейермахер: переводчик либо «оставляет в покое писателя» и продвигает навстречу ему читателя, либо наоборот, продвигает писателя в сторону читателя (Schleiermacher, 1969: 47). Для Холодковского Гете – неприкосновенная святая, и все отступления от его оригинального текста представляют собой шаг вынужденный и достойный сожаления; Пастернак, напротив, смело продвигает писателя к читателю, к себе и к нам.

В своих заметках о переводе 1943 года он прямо пишет: «Соответствие с текстом оригинала – связь слишком слабая, чтобы обеспечить переводу целесообразность» (Пастернак, 1990: 546). По мнению Пастернака, текст – всего лишь тень смысла и неверно измерять высоту предметов длиной их тени⁷. Задача перевода заключается для него не в адекватности, а в том, чтобы развернуть смысловой потенциал темы, вызволить тему из той частной языковой формы, в которой она заперта оригиналом. Оригинальный текст не только воплощает, но и ограничивает смысл произведения, ибо «мысль изреченная есть ложь». Выручив оригинал из его частной формы, переводчик должен дать ему новую жизнь в родной речи (Бибихин, с. 168).

Как переводчик «Фауста» Пастернак продолжает в XX веке и на русской почве одну из линий мировой культурной традиции, воплощенную в легенде о Фаусте. Сам Гете в свое время так же подхватил нить этого предания и перевел его на язык классико-романтической эпохи. В этом отношении неясно, что считать оригиналом, а что копией. Любимец Пастернака Рильке заметил: «Несколько раз я пытался разрабатывать одну и ту же тему по-французски и по-немецки, к моему глубокому изумлению на каждом языке она развивалась по-своему»⁸. Вероятно, если бы Гете владел русским языком и решился переложить своего «Фауста» еще и по-русски, допустим в подарок русскому императору, то русский текст

⁶Goethe J.W. Poetische Werke in 3 Bänden. Berlin: Aufbau-Verlag, 1970. Bd. III. S. 76.

⁷Метафора В.В. Бибихина: «Всякий текст тень своего смысла; если измерять высоту предметов длиной их тени, то только случайно можно не ошибиться» (Бибихин В.В. Указ.соч., С. 149).

⁸ Цит. по: Мастерство перевода. М., 1970. № 76. С. 482.

отличался бы от немецкого ничуть не меньше, чем перевод Пастернака, в котором счет приобретений, пожалуй, равен счету потерь. Интересовавшие меня стихи относятся, скорее, к числу потерь. У Пастернака они звучат так: «Зачем трудить мозги напрасно? // Валяйте лучше напрямик./ Кто улучит удобный миг, /Тот и устроится прекрасно» (Гете, 1976:71). Фрейду это бы не пригодилось.

Возможно, на Пастернака повлиял Холодковский, у которого совет Мефистофеля ученику передан не так вольно, но по смыслу похоже: «В науке здесь парить не надо через меру, / Все учатся кой-как, по мере сил, / А кто мгновение уловил, / Тот мигом делает карьеру» (Гете, 1922:108). Русский читатель сразу же замечает – перед нами не Гете, а Пушкин, перевод по пушкинскому коду: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Но, как ни странно, в «Фаусте» такая подмена не лишена смысла, поскольку Мефистофель – скептик, и тон светского повесы ему к лицу. Он соответствует той роли, которую Мефистофель призван играть в судьбе Фауста. Испытав разочарование в отвлеченном знании, Фауст хочет окунуться в жизнь, ловить преходящие мгновения жизни, и научить его этому должен Мефистофель. Тем не менее, для прояснения мысли Фрейда и Холодковский дает недостаточно.

Более точно и выразительно перевел нужную мне строфу Константин Иванов: «Нет основания Вам с ней (медициной – А.Ж.) возиться. Всегда изучишь то, что только можешь ты. Осуществления мечты / Добьется тот, кто, кто сможет примениться / Схватить момент...» (Гете, 2005:105). Права И.С. Алексеева, когда она заканчивает свое послесловие словами о том, что читатель, который ищет наибольшей точности, найдет ее у К. Иванова (Гете, 2005:636). Но что значит «мечта» – у Холодковского в этом месте слово «карьерера», что значит «примениться, схватить момент» – значит ли это предать мечту о знании ради карьеры?

Именно здесь намечается и центральная тема герменевтики. Гермес, толкователь воли богов, был одновременно покровителем мошенников, обманщиков. Герменевтика и перевод как инструмент герменевтики предполагают эту коннотацию, мотив предательства оригинала, но предательства особого, продуктивного.

Что такое продуктивное предательство, что значит осуществить мечту о понимании благодаря искусству примениться, объяснил основатель современной герменевтики – Ханс-Георг Гадамер.

Он исходил из неизбежности и непреодолимости культурно-исторической дистанции, отделяющей переводчика от текста. По Гадамеру, язык не инструмент, а хозяин дискурса, подчиняющий себе автора, и каждый язык смотрит на мир по своему, со своей колокольни, с которой видно то, что с другой колокольни увидеть невозможно. По-русски это называется кругозором, Гадамер пользуется, как известно, словом «горизонт». У автора – один горизонт, у понимающего – другой. Мы можем понять не более того, что можем именно мы, люди своего времени, своей культуры.

Но это, с точки зрения Гадамера, не плохо, а хорошо. Вавилонское столпотворение – событие амбивалентное, великая беда, но и великое благо. Так думали уже романтики с их философией историей, предполагавшей развитие от Золотого века к царству Божию, от потерянного рая к раю обретенному. Символом потерянного рая был универсальный первоязык, позволявший людям понимать друг друга и бога. В раю обретенном языков будет множество, но будет зато и перевод – механизм понимания, способный обеспечить не примитивное бессознательное тождество (языков, сознаний), а сложное единство раздельности и взаимопроникновения различного. Таким образом, на месте утопического

божественного первоязыка можно представить себе бесконечно разветвленную сеть переводов всех произведений на все языки, нечто вроде универсальной библиотеки или энциклопедии, описанной у Борхеса в рассказе «Вавилонская библиотека»⁹.

Такова высшая ступень культуры. Если бы у нас был универсальный, всемирный язык, всем одинаково понятный, то мы бы все думали одинаково и это означало бы стандартизацию мысли. А если бы мы умели делать точные, адекватные переводы, мы знали бы о тексте только то, что знали о нем его современники, что знают о нем люди той культуры, в рамках которой текст был создан. Сказать то же самое на другом языке (будь это даже возможным), так же неважно, как переложить монету из одного кармана в другой – ее может быть будет легче достать или труднее украсть, но и только¹⁰. Правильнее положить в банк, получить прирост, прибавочную стоимость. Перевод нужен не для удобства, а ради прибавочной стоимости.

Джордж Стайнер, автор известной книги «После Вавилона» (Steiner, 1975), внимательно читал Борхеса, писал о Хайдеггере и гордился дружбой с Гадамером¹¹. Стайнер подчеркивал, что тексты чужой культуры невозможно и не следует копировать; мы никогда не будем обладать ими в том виде и в тех функциях, которые были присущи им в исходном культурном пространстве. В России об этом выразительно писал Лотман: «Поступающие извне тексты можно сравнить <...> с топливом, брошенным в топку машину. Они запускают машину мысли, машину текстообразования, и чтобы выполнить эту роль, им следует сгореть, перестать быть собой, из законченной и застывшей структуры превратиться в источник энергии<...>» (Лотман, 2002:205).

Перевод, осмысленный как инструмент культурного трансфера и есть тот процесс, в котором исходный текст умирает в своем прежнем качестве и возрождается в новом¹². Задача перевода сделать так, чтобы текст перестал быть самим собой, развернуть его смысловой потенциал, обогатить, оплодотворить его ценностями своей культуры.

Именно этому учит герменевтика после Гадамера. До него главным герменевтическим понятием была «транспозиция», перемещение: интерпретатор, переводчик должен был вжиться в строй чужого языка и чужой мысли. У нас так же думал М.П. Алексеев. В статье «Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия» он писал, что тот, кто хочет понять другого, должен отречься от себя (Алексеев, 1946: 210). Согласно Гадамеру это необходимо, но лишь как первый шаг; в полной мере это невозможно, да и непродуктивно. Лучшее, что мы можем, это не переместиться в смысловое пространство исходного текста, а применить его смысл к себе и примениться к нему. Гадамер рассуждает как Мефистофель у Гете: пусть наши возможности понимания ограничены, и нам дано понять лишь то, что позволяет понять наше место в истории культуры, но мечта о понимании – не иллюзия, «осуществления мечты достигнет тот, кто сможет примениться».

У Гадамера часто встречаем слово «Anwendung» (применение). В связи с этим возникает и понятие «слияние горизонтов», которое кажется мне ключевым как для герменевтики, так

⁹Ricoeur P. Sur la traduction. P. 30. Ср. Автономова Н.С. Указ.соч. С. 584.

¹⁰ См. это сравнение в другом контексте у Лотмана: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-Текст-История. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 114.

¹¹См. Cercl L. Übersetzungshermeneutik. Historische und systematische Grundlegung. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 2013.

¹² Ср. примеры, приводимые Мишелем Эспанем: Эспань М. О понятии культурного трансфера / Пер. с франц. М. Ариас // Европейский контекст русского формализма. (К проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 7-18.

и для перевода. Напомню его первоначальный контекст: «Горизонт настоящего времени не существует как таковой сам по себе. И точно также не существует сам по себе горизонт исторический, как нечто такое, чего мы могли бы достичь. Понимание представляет собой процесс слияния этих горизонтов, которые лишь по видимости имеют место независимо один от другого»¹³.

Гадамер ведет речь о горизонтах настоящего и прошлого, но точно так же есть основания говорить о горизонтах синхронных, национальных, о том, напр., что современный мир, каким он представляется, если смотреть, скажем, из Брюсселя, и если смотреть из Москвы, не такие уж разные; благодаря герменевтическому акту понимания они способны интерферировать.

Почему это так? Дело в том, что заимствуя «чужое», мы не можем не переосмыслить, не структурировать его по образу и подобию «своего». Понять и воспроизвести можно не все, а только то, что можем именно мы. Чужое в чистом виде нам недоступно. Примеры «герменевтической аннексии» встречаются на каждом шагу. Таков Петербург – Европа, переведенная на русский, такова современная российская демократия, так же представляющая собой сложную гибридную конструкцию. Но, с другой стороны, и «своего» в чистом виде тоже не существует, это тоже иллюзия. То, что мы называем «нашей» культурой, сложилось и продолжает каждый час формироваться при участии культуры иностранной, хранит в себе память о ней и несет на себе ее печать.

Слияние горизонтов не означает абсолютного тождества, неразличимости тех текстов, культур или сознаний, горизонты которых сливаются. Каждый из них обладает неповторимым своеобразием и сохраняет свою целостность, но эта целостность – открытая, она открыта навстречу другому, имеет с ним общую зону смыслообразования.

Лучше всего это подтверждает история литературного перевода. Вяч. Иванов переводит в начале XX века немецкого романтика Новалиса, «Гимны к ночи». Е. Г. Эткинд показывает, что переводит через Тютчева, по тютчевскому коду, и создает тем самым произведение русской литературы, русского символизма (Эткинд, 1996:168-182). Но ведь что значит по тютчевскому коду? Откуда он взялся? Тютчев как певец ночи и сам является наследником немецкой традиции, именно романтической, в том числе новалисовской.

К числу аналогичных примеров относятся и переводы Жуковского из Шиллера, о которых много писали¹⁴. Да, Шиллер в интерпретации Жуковского стал русским романтиком, но русский романтизм формировался при участии немецкого, а сам немецкий вобрал в себя опыт шиллеровской поэзии. На подобных примерах построил свою последнюю книгу С.Г. Бочаров (Бочаров, 2012). Он пишет об общей «кровеносной системе мировой культуры» (Бочаров, 2012:7-44), и это подсказывает еще одну метафору, выявляющую связь перевода с компаративистикой – капиллярная система.

Начиная с А.Н. Веселовского, русская гуманитарная наука неизменно исходила из понимания всемирной литературы как единого смыслового пространства, в котором явления национальных литератур «рождаются и вырабатываются в процессе свободного (переоформляющего) перевода чужих произведений» (Бахтин, 2012:133). Примечательно, что сама идея слияния горизонтов, высказанная Гадамером в 1960 году, довольно

¹³ Gadamer H-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1972. S. 281 (перевод мой).

¹⁴ См. напр. Дьяконова Н.Я., Жеребин А.И. Соперничество великих («Празднество победы» Шиллера и «Торжество победителей» В.А. Жуковского) // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2011. С. 194-202.

отчетливо прослеживается уже у Бахтина, в его книге середины двадцатых годов «Автор и герой в эстетической деятельности». Гадамер не читал Бахтина, а Бахтин не читал Гадамера, но у них были общие учителя (Дильтей, Хайдеггер), а потом и общие ученики (Ханс-Георг Яусс, Манфред Франк), общая традиция европейской герменевтики, обусловившая слияние научных горизонтов.

Трудно найти более точное объяснение взглядов Гадамера, чем у Бахтина, когда в начале 70-х годов он пишет о преимуществах позиции авторской вненаходимости: «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее, и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Такое представление ошибочно. Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе понимания. Но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием. Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени и пространстве. Великое дело для понимания – это вненаходимость понимающего по отношению к тому, что он хочет понять. Ведь даже свою собственную наружность человек сам не может по-настоящему увидеть, это могут только другие люди, благодаря тому, что они другие. В области культуры вненаходимость – самый могучий рычаг понимания. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые пласты. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого» (Бахтин, 1979:334).

Понять творчески – это и значит перевести на язык своей культуры. Перевод есть культурный механизм, реализующий герменевтический акт понимания. Он достигает своей цели, если смысл переведенного текста может быть охарактеризован с помощью композита «свое-чужое» (Бахтин, 1979:350), если «чужое и свое собственное сливаются в новом облике»¹⁵. Именно творческое преобразование оригинала и выявление его культурной ценности на основе герменевтической интерпретации позволяет рассматривать перевод как ключевую форму взаимодействия национальных литератур.

Список использованной литературы

1. Bachmann-Medick D. Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010.
2. Cercel L. Übersetzungshermeneutik. Historische und systematische Grundlegung. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 2013.
3. Grondin J. Hermeneutik. Aus dem Französischen übersetzt von U. Blech. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
4. Ricoeur P. Sur la traduction. Grandes difficultés et petits bonheurs de la traduction. Paris: Bayard, 2004.
5. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. London: Oxford University Press, 1975.
6. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.

¹⁵Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 71. Один из наиболее выразительных примеров такого слияния дает перевод 105-го сонета Шекспира Паулем Целаном – предмет классической интерпретации Петера Сзонди: Szondi P. Poetry of Constancy – Poetik der Beständigkeit. Celans Übertragung von Shakespeares Sonett 105. In: Szondi P. Schriften II. Hg. v. Jean Bollak u. Henriette Beese. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978. S. 321-344.

7. Алексеев М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1946.
8. Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т.3.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
10. Беньямин В. Маски времени. Эссе о литературе и культуре. СПб.: Symposium, 2004.
11. Биbihин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
12. Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012.
13. Гете И.В. Западно-восточный диван / Отв. ред. И.С. Брагинский. М.: Наука, 1988.
14. Гете И.В. Фауст / Перевод Н.А. Холодковского / Под ред. В.М. Жирмунского. Пг.-М.: Всемирная литература, 1922.
15. Гете И.В. Фауст // Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т./ Под ред. Н. Вильмонта. М.: Художественная литература, 1976. Т.2.
16. Гете И.В. Фауст/ Перевод К. Иванова / Под ред. И.С. Алексеевой. СПб: Имена, 2005.
17. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002.
18. Пастернак Б.Л. Заметки переводчика // Зарубежная поэзия в переводах Бориса Пастернака / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.К. Нестерова. М.: Радуга, 1990.
19. Эткинд Е.Г. Там, внутри. О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Максима, 1996.